

УДК 343

*В.А. Семенцов**

О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА С.А. ШЕЙФЕРА

В статье анализируются дискуссионные вопросы о понятии и системе следственных действий. Разделяется мнение профессора С.А. Шейфера, рассматривающего институт следственных действий в узком смысле как разновидность процессуальных действий познавательного характера, цель производства которых установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Обосновывается, что процессуальное задержание не обладает познавательными свойствами, а судебная экспертиза занимает особое место в системе следственных действий. Предлагается применять полиграф не только при судебной психофизиологической экспертизе, но и при производстве нового следственного действия – проверке показаний на полиграфе.

Ключевые слова: следственные действия, познание, цель, основание, оперативно-розыскные данные, процессуальное задержание, судебная экспертиза, контроль и запись переговоров, полиграф.

Следственные действия – относительно обособленная часть уголовно-процессуального права, нормы которой обеспечивают правовое регулирование общественных отношений, возникающих в связи с производством этой разновидности процессуальных действий, предназначенных для собирания и проверки доказательств. Несмотря на существенные изменения указанного правового института в УПК РФ, регламентирующего сходные правоотношения, по-прежнему остаются дискуссионными многие традиционные проблемы следственных действий – от формулирования понятия до определения их системы.

В связи с этим возникает необходимость обратиться к фундаментальным трудам профессора С.А. Шейфера, излюбленной темой исследований которого были и остаются вопросы совершенствования уголовно-процессуальной теории, законодательства и практической деятельности, связанной с институтом следственных действий. 29 августа 2013 г., адресую автору свою очередную работу «Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти», С.А. Шейфер написал: «Единомышленнику по главным и оппоненту по частным вопросам теории следственных действий – на добрую память и с пожеланием творческих успехов».

Быть единомышленником ученого с мировым именем почетно и ответственно. Столь высокая оценка талантливого Учителя в науке уголовного процесса многого стоит, обязывая критически оценивать собственные научные достижения и прислушиваться к мнению других ученых, служит стимулом для дальнейших научных изысканий.

* © Семенцов В.А., 2014

Семенцов Владимир Александрович (cgimpro@yandex.ru), кафедра уголовного процесса, Кубанский государственный университет, 350000, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Рапшилевская, 43.

Безусловно, прав В.С. Шадрин, который пишет: «С.А. Шейфер не склонен навязывать свою позицию, руководствуясь разумным правилом, что в современных условиях любая точка зрения имеет право на существование. Проблема лишь в том, насколько она убедительна, аргументирована и отвечает потребностям сегодняшнего дня» [1, с. 16].

Анализ современных проблем института следственных действий начнем с того, что в уголовно-процессуальном законе отсутствует формулировка следственных действий, хотя данный термин достаточно часто встречается в его тексте. Если в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. термин «следственные действия» встречается лишь 6 раз, в УПК РСФСР 1960 г. – уже около 40 раз, то в УПК РФ 2001 г. он используется около 130 раз. Эти цифры, как справедливо отмечается в литературе [2, с. 6], наглядно демонстрируют тенденцию роста значимости данного процессуального института для отечественного судопроизводства.

Отсутствие в законе понятия следственных действий вызвало в науке активную дискуссию. По мнению С.А. Шейфера, термин «следственные действия» традиционно трактуется либо в широком смысле, когда им охватываются все те действия, которые следователь осуществляет на основе уголовно-процессуального закона, либо в узком смысле, когда под ними понимаются лишь действия познавательного характера, т. е. осмотры, освидетельствования, допросы и т. д. [3, с. 5–6]

Думается, широкая трактовка термина «следственные действия» обусловлена не только отсутствием в уголовно-процессуальном законе рассматриваемого понятия (как в прошлом, так и сегодня), но и тем, что ему придается различный смысл. Обобщенно сущность широкой трактовки термина «следственные действия» состоит в том, что все процессуальные действия, выполняемые следователем в ходе досудебного производства, являются следственными. При этом не учитывается, что следственные действия – важная, но все-таки только часть такого понятия, как «процессуальные действия», призванные регулировать не только соби́рание и проверку доказательств, но и ход расследования и его окончание, обеспечивать соблюдение и реализацию прав и законных интересов его участников и др. Немаловажно и то обстоятельство, что субъектами производства следственных действий выступают наряду со следователем и другие властные участники уголовного судопроизводства, уполномоченные законом на их производство.

В узком смысле слова следственные действия – это процессуальные действия, в которых акцент делался на познавательном аспекте исследования обстоятельств уголовного дела. Данная позиция разделяется большинством ученых-процессуалистов, однако исследователи, исходя из общей посылки о познавательном характере следственных действий, предлагают различные их определения, отличающиеся как содержанием, так и составляющими его элементами. И это закономерно, поскольку каждый автор стремится привнести в определение следственных действий что-то свое, оригинальное, проявить творческий подход к решению данного вопроса.

Используя философскую категорию ретроспективного познания, С.А. Шейфер характеризует следственные действия как комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации [3, с. 38], т. е. к получению соответствующего вида доказательств [4, с. 19].

Не вызывает сомнения утверждение С.А. Шейфера о том, что «познавательная сторона следственного действия состоит в том, что в результате его проведения следователь получает фактические данные, сведения об обстоятельствах, подлежащих дока-

зыванию по делу. Полученные законным способом и зафиксированные в предусмотренной форме, эти данные становятся доказательствами. Под таким углом зрения следственные действия представляют собой способ собирания доказательств. Однако в начальный момент доказывания предметом познавательной деятельности следователя являются не доказательства» [4, с. 12–13].

Впервые об этом С.А. Шейфер написал еще в 1972 г., указав, что доказательства не существуют в готовом виде, а появляются в процессе доказывания [5, с. 7, 15, 18], и поэтому термин «формирование доказательств» более точен, чем термин «собираание доказательств» [3, с. 8]. Доказательства формируются в процессе познавательно-установочной деятельности определенных субъектов доказывания, наделенных для этого соответствующими полномочиями [6, с. 61].

Совершенно очевидно, что следы преступления возникают и существуют за рамками уголовного судопроизводства и сами по себе уголовно-процессуальными доказательствами не являются до тех пор, пока не будут вовлечены в процесс доказывания. Поэтому первый структурный элемент уголовно-процессуального доказывания – формирование доказательств – образует совокупность действий, направленных на обнаружение, получение и процессуальное закрепление сведений [7, с. 236–242], в числе которых основное место отводится следственным действиям.

Наряду с познавательной сущностью правильное понимание следственных действий обеспечивается определением цели их производства – установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. «Цель следственного действия, – справедливо отмечает С.А. Шейфер, – это идеальный образ информации (ее формы и содержания), которую предстоит получить следователю путем применения предусмотренных законом познавательных приемов. Различные по целям и соответствующим им методам следственные действия дают возможность извлечь из одних и тех же следов разную по содержанию и форме информацию» [4, с. 18].

Для большинства следственных действий цель их производства определена самим законом. Например, цель осмотра (ч. 1 ст. 176 УПК РФ) – обнаружение следов преступления, выяснение других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Некоторым следственным действиям присущи наряду с познавательной и другие цели, предусмотренные законом. Так, в ч. 16 ст. 182 УПК РФ называются такие цели производства обыска, как обнаружение разыскиваемых лиц и трупов. В то же время в законе не указана цель предъявления для опознания, не конкретизированы цели проверки показаний на месте, следственного эксперимента.

Сведя в систему все предписания закона, так или иначе регламентирующие проведение как отдельных следственных действий, так и всех их в совокупности, С.А. Шейфер пришел к выводу, что структура института следственных действий охватывает три группы правовых предписаний: «1) основания проведения следственного действия; 2) правила, непосредственно регламентирующие поведение следователя и лиц, привлекаемых к участию в следственных действиях; 3) меры принуждения, применяемые к участникам следственных действий» [4, с. 22].

Поскольку к числу наиболее дискуссионных относится вопрос об основаниях проведения следственного действия, считаем необходимым более подробно рассмотреть эту правовую категорию, при истолковании которой следует иметь в виду, что данное понятие включает в себя фактическую и юридическую (формально-правовую) составляющие, причем сказанное относится как ко всей системе, так и к отдельно взятому следственному действию.

Под фактическими основаниями большинство ученых понимают сведения, свидетельствующие о возможности (необходимости) производства следственных действий. Довольно определенно фактические основания сформулированы применительно лишь

к такому следственному действию, как обыск: наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 182 УПК РФ).

В отношении же других следственных действий, как справедливо отмечает С.А. Шейфер, законодатель не формулирует оснований их проведения, хотя с большей или меньшей определенностью указывает на их цели, считая, по-видимому, несомненным, что для принятия решения о проведении следственного действия необходимы данные о том, что оно будет результативным [8, с. 57].

Поскольку конструкция нормы, в которой закреплены фактические основания для производства обыска, сформулирована достаточно четко, С.А. Шейфер предлагает использовать ее в качестве своеобразной модели, что, по его мнению, позволяет выделить три необходимых элемента, составляющих эти фактические основания: а) источники, из которых следователь может черпать доказательственную информацию; б) цель проведения следственного действия; в) объем фактических данных, необходимых для вывода о том, что в источниках действительно содержится искомая информация [3, с. 106].

В законе отсутствует требование о том, что совокупность фактических данных с достоверностью должна указывать на успех предстоящего следственного действия. Из этого вытекает, что в обоснование решения о его проведении могут быть положены сведения, приводящие к вероятному выводу. Обусловлено это тем, что в большинстве своем следственные действия проводятся на первоначальном этапе предварительного расследования (чаще всего в случаях, не терпящих отлагательства) либо еще до возбуждения уголовного дела, когда процесс доказывания только начался и доказательств еще нет или их недостаточно. Поэтому фактическим основанием для проведения следственных действий могут служить не только уголовно-процессуальные доказательства, но и сведения, полученные за рамками уголовного судопроизводства, в частности в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Но как быть, когда имеются только сведения, полученные оперативным путем, обосновывающие необходимость проведения следственного действия?

Позиция С.А. Шейфера по этому вопросу довольно категорична: данные оперативно-розыскного характера в отрыве от доказательств не могут служить основанием проведения следственных действий [4, с. 24]. И еще: если кроме оперативно-розыскных данных, происхождение которых неизвестно, в деле отсутствуют какие-либо сведения о возможном нахождении у лица искомых объектов – основание для обыска отсутствует [3, с. 115].

Представляется, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве основания для проведения следственных действий в подобной ситуации все-таки возможно, но при соблюдении двух следующих условий.

Во-первых, это должны быть только те следственные действия, которые направлены на обнаружение, изъятие и приобщение к уголовному делу предметов, документов (осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами). В то же время для следственных действий, цель которых проверка ранее собранных доказательств (очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте), фактическим основанием производства могут быть лишь данные, полученные процессуальным путем. Это обязывает следователя принимать решение о их производстве на основе имеющихся в уголовном деле доказательств, закрепленных в протоколах допросов соответствующих лиц.

Во-вторых, в соответствии с положениями ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскных мероприятий должны быть представлены следователю и процессуально закреплены в материалах проверки сообщения о преступлении или в уголовном деле. Порядок представления определяется Инструкцией, утвержденной совместным приказом от 17 апреля 2007 г. [9]. После этого эти результаты проверяются на предмет их достоверности: от наличия оснований до соблюдения установленного законом порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Наряду с дискусионностью вопроса о понятии следственных действий нет ясности в понимании того, какова же их система, закрепленная законодателем в названиях гл. 24–27 УПК РФ.

В современном уголовном судопроизводстве России вне рамок системы следственных действий находится такое процессуальное действие, как задержание подозреваемого, определяемое законодателем как мера процессуального принуждения (п. 11 ст. 5 УПК РФ). Напомним, что в УПК РСФСР 1960 г. задержание рассматривалось одновременно и как мера принуждения, и как следственное действие. Учитывая, что цель задержания – кратковременная изоляция лица, подозреваемого в совершении преступления, для нейтрализации вероятного противодействия расследованию, его правовая природа в тексте УПК РФ отражена правильно. Процессуальное задержание не обладает познавательными свойствами, а лишь создает необходимые предпосылки для проведения таких следственных действий, как личный обыск задержанного, допрос подозреваемого, осмотр его одежды, освидетельствование.

В то же время ряд авторов рассматривают процессуальное задержание как разновидность следственных действий, направленных на достижение познавательной цели. По этому поводу С.А. Шейфер отмечает следующее: несмотря на то что сведения, содержащиеся в протоколе задержания, приобретают доказательственное значение, «УПК РФ рассматривает задержание только как меру процессуального принуждения» [4, с. 40]. В другой своей работе С.А. Шейфер обосновывает пригодность этого процессуального действия «для достижения познавательной цели» и предлагает рассматривать его, несмотря на специфику, как следственное действие [3, с. 63–66].

Еще один момент – о правомерности отнесения судебной экспертизы к числу следственных действий. По результатам исследования этого вопроса С.А. Шейфер делает вывод: с учетом познавательной и процессуальной характеристики экспертиза занимает особое место в системе следственных действий, и неправильно рассматривать ее как автономную форму познания [3, с. 77].

Действительно, законодательное определение судебной экспертизы как процессуального действия [10] не может служить основанием для утверждения, что судебная экспертиза – не следственное действие. Процедурные правила назначения и производства судебной экспертизы завершают в разделе VIII УПК РФ систему следственных действий. Объем этих правил столь велик, что вызвал необходимость их регламентации в рамках отдельной главы. Следует также иметь в виду, что определение в Законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» судебной экспертизы как процессуального действия соответствует предписаниям п. 32 ст. 5 УПК РФ, где следственные действия указаны как разновидность процессуальных действий.

Актуальной проблемой стал вопрос о включении в систему следственных действий контроля и записи переговоров.

«Весьма спорным, – пишет С.А. Шейфер, – остается закрепление в УПК РФ такого следственного действия, как контроль и запись переговоров... это типичное

оперативно-розыскное действие... Поэтому сохранение этой нормы (ст. 186. – *В.С.*) в Уголовно-процессуальном кодексе нецелесообразно» [11, с. 191, 193].

Выскажем свое мнение о правовой природе контроля и записи переговоров. Регулирование этого познавательного приема уголовно-процессуальной нормой свидетельствует о том, что это действие процессуальное. Более того, оно отвечает тем общим требованиям, которые предусмотрены для него законом. (Не случайно еще союзный законодатель прямо отнес прослушивание телефонных переговоров к числу неотложных следственных действий [12]).

Федеральным законом от 21 февраля 2001 г. УПК РСФСР был дополнен ст. 174.1, предусматривавшей процессуальную регламентацию контроля и записи телефонных и иных переговоров как следственного действия. С этого момента получение информации, передаваемой по телефону или иному переговорному устройству, с целью раскрытия и расследования преступлений стало возможно двумя путями – оперативно-розыскным и уголовно-процессуальным.

Наличие двух видов прослушивания дает следователю возможность выбора процессуального или оперативно-розыскного действия по расследуемому им делу в целях получения информации из одного и того же источника. Тем самым принципиально изменилась взаимосвязь и взаимозависимость уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. Однако безусловным условием правомерности такого выбора должен быть приоритет уголовно-процессуального действия перед действием оперативно-розыскным, когда оперативно прослушивание возможно лишь при отсутствии оснований для производства следственного действия.

Как известно, российский законодатель отказался от именованного этого следственного действия прослушиванием телефонных и иных переговоров. Учитывая, что сам следователь не может прослушивать телефонные переговоры в силу организационных и процессуальных причин, именование нового доказательственного средства контролем и записью переговоров следует признать правильным.

Своеобразие нового следственного действия состоит в сочетании при его производстве процессуальных и внепроцессуальных действий. Вне процесса осуществляется непосредственное прослушивание переговоров и их техническая запись. Эту часть работы выполняет соответствующий орган (ч. 4 ст. 186 УПК РФ) на основе ведомственных нормативных актов. Именно поэтому указанные действия не протоколируются. Протокол составляется лишь при осмотре фонограмм. Причем правовая регламентация контроля и записи переговоров предусматривает возможность составления не одного, а нескольких протоколов осмотра и прослушивания фонограмм в тех случаях, когда следственное действие еще не завершено и есть необходимость его продолжения.

Считаем, что по мере совершенствования уголовно-процессуального законодательства России будет совершенствоваться и система следственных действий, в частности, за счет познавательных приемов, основанных на достижениях научно-технического прогресса. Так, получение сведений при производстве следственного действия «контроль и запись переговоров» осуществляется путем традиционного документирования телефонных и других устных переговоров. Сведения же, передаваемые с помощью электронной почты, сети Интернет, межкомпьютерного обмена, цифровых каналов связи, человеком на слух не воспринимаются. Решение проблемы возможно путем расширения рамок контроля и записи переговоров, т. е. включения в объект контроля не только устной речи, но и иных сведений. В этом случае правильнее будет считать данное следственное действие уже не контролем и записью переговоров, а электронным наблюдением.

Возникает необходимость разработки процедурных правил применения полиграфа при производстве следственных действий, поскольку научная состоятельность указанного технического средства, регистрирующего с помощью датчиков изменение динамики протекания физиологических процессов организма человека, не вызывает сомнений. К настоящему времени в России накоплен опыт проведения с использованием полиграфа психофизиологических экспертиз, методика которых основана на опыте других стран, адаптированном к отечественной практике исследований в сфере полиграфных технологий. Более того, в будущем возможно появление в гл. 26 УПК РФ (при неизменном ее названии) нового следственного действия «проверка показаний на полиграфе», проводимого по результатам допроса, очной ставки, предъявления для опознания и проверки показаний на месте.

Предлагаемые формы использования в доказывании результатов испытания на полиграфе критикуется С.А. Шейфером, хотя бесспорно то, что «не каждый возникающий на практике познавательный прием имеет перспективу стать следственным действием» [13, с. 151, 158].

Между тем не учитывается цель применения полиграфа – установление наличия или отсутствия психофизиологических реакций опрашиваемого на определенные вопросы, имеющие отношение к обстоятельствам совершенного преступления. Данная цель наглядно демонстрирует неточность второго наименования полиграфа – детектор лжи. Очевидно, что техническое устройство не способно установить ложь или правду – это прерогатива и компетенция человека, осуществляющего уголовное судопроизводство и оценивающего полученные полиграфологом показатели реакций человеческого организма на заданные вопросы. Результатом такой оценки как раз и может стать вывод относительно того, о чем свидетельствуют выявленные реакции.

При определении допустимости результатов применения полиграфа с точки зрения установленных действующим уголовно-процессуальным законом правил и требований следует учитывать, что:

- 1) в законе отсутствует какой-либо запрет на применение полиграфа как технического средства;
- 2) предусмотренная уголовно-процессуальным законом процедура применения технического средства и привлечения соответствующего специалиста полностью применима к психофизиологическому исследованию с использованием полиграфа;
- 3) установленный законом порядок оформления результатов использования технических средств может быть применен для оформления результатов проверки на полиграфе.

Имеются и другие актуальные проблемы, связанные с понятием и системой следственных действий, но рамки научной статьи не позволяют провести их анализ.

Подводя итог исследованию вопросов о понятии и системе следственных действий в трудах профессора С.А. Шейфера, отметим главное.

Следственные действия необходимо рассматривать в узком смысле как разновидность процессуальных действий познавательного характера, цель производства которых установление фактических обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а правовая категория «основания проведения следственного действия» включает в себя фактическую и юридическую (формально-правовую) составляющие.

Учитывая, что фактические основания для производства обыска сформулированы в законе достаточно четко, поддерживаем предложение С.А. Шейфера использовать их в качестве своеобразной модели для других следственных действий. Фактическим основанием для проведения следственных действий, направленных на обнаружение, изъятие и приобщение к уголовному делу предметов, документов, могут служить не

только уголовно-процессуальные доказательства, но и сведения, полученные за рамками уголовного судопроизводства, в частности, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Процессуальное задержание не обладает познавательными свойствами, а лишь создает необходимые предпосылки для проведения таких следственных действий, как личный обыск задержанного, допрос подозреваемого, осмотр его одежды, освидетельствование.

Ввиду познавательной и процессуальной характеристики судебная экспертиза занимает особое место в системе следственных действий.

Регулирование познавательного приема «контроль и запись переговоров» уголовно-процессуальной нормой свидетельствует о том, что это действие процессуальное, отвечающее общим требованиям, предусмотренным законом для следственных действий, но его своеобразие состоит в сочетании процессуальных и внепроцессуальных действий. Расширение рамок контроля и записи переговоров обуславливает необходимость считать данное следственное действие не контролем и записью переговоров, а электронным наблюдением.

Несмотря на критику полиграфа, считаем возможным его применение при судебной психофизиологической экспертизе, а также предлагаем закрепить в УПК РФ новое следственное действие – проверку показаний на полиграфе.

Библиографический список

1. Шадрин В.С. Вступительная статья // Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. 192 с.
2. Воронин С.Э., Меремьянина О.В. Основания проведения следственных действий: учебное пособие. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2004. 94 с.
3. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
4. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М.: Юрлитинформ, 2004. 184 с.
5. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
6. Шейфер С.А. Роль защиты в формировании доказательственной базы по уголовному делу // Государство и право. 2006. № 7. С. 61.
7. Семенцов В.А. Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. нач. тр. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Самарский университет, 2010. С. 236–242.
8. Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. С. 57.
9. Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд: утверждена приказом от 17 апреля 2007 г. № 368/185/164/481/32/184/97/147 Министерства внутренних дел РФ, Федеральной службы безопасности РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной таможенной службы РФ, Службы внешней разведки РФ, Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, Министерства обороны РФ // Российская газета. 2007. 16 мая.
10. Ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (с изм. на 25 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291; Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6165.
11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008. 240 с.

12. Ст. 35.1 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вedomости съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 26. Ст. 495.

13. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. 192 с.

References

1. Shadrin V.S. Introduction in *Sheifer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power: monograph*. М., Norma, 2013, 192 p. [in Russian]

2. Voronin S.E., Meremyanina O.V. Foundations of carrying out investigating actions: textbook. Krasnoyarsk, Sibirskii iuridicheskii institut MVD Rossii, 2004, 94 p. [in Russian]

3. Sheifer S.A. Investigating actions. System and procedural form. М: Iurlitinform, 2001, 208 p. [in Russian]

4. Sheifer S.A. Investigating actions. Reasons, procedural order and evidential significance. М., Iurlitinform, 2004, 184 p. [in Russian]

5. Sheifer S.A. Essence and ways of collecting evidence in the Soviet criminal process. М: VYUZI, 1972, 130 p. [in Russian]

6. Sheifer S.A. Role of defence in the formation of the body of evidence in a criminal case. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2006, no. 7, p. 61 [in Russian]

7. See about this: Sementsov V.A. Formation of evidence in the structure of criminal procedure of proving. *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovolnogo protsesssa Rossii: mezhvuz. sb. nach. tr. [Topical problems of modern criminal procedure of Russia: interacademic collection of research papers]*. Professor V.A. Lazareva (ed.). Samara: Samarskii Universitet, 2010, pp. 236–242 [in Russian]

8. Sheifer S.A. Legal regulation of investigating actions in the new Criminal Procedure Code of the Russian Federation. *Gosudarstvo i pravo [State and law]*, 2003, no. 2, p. 57 [in Russian]

9. Instruction on the order of presentation of the results of investigative activities to the interrogating officer, body of inquiry, investigator, public prosecutor or to the court: confirmed by the Order dated April 17, 2007, № 368/185/164/481/32/184/97/147 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Federal Security Service of the Russian Federation, Federal Protective Service of the Russian Federation, Federal Customs Service of the Russian Federation, Foreign Intelligence Service of the Russian Federation, Federal Penitentiary Service, Federal Drug Control Service of the Russian Federation, Ministry of Defense of the Russian Federation. *Rossiiskaia gazeta*, 2007, May 16 [in Russian].

10. Article 9 of the Federal Law «On state judicial and expert activity in the Russian Federation» dated May 31, 2001, № 73-FZ (with amendments on November 25, 2013). *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]*, 2001, no. 23, Article 2291; *Sobranie zakonodatel'stva RF [Collected Legislation of the Russian Federation]*, 2013, no. 48, Article 6165 [in Russian]

11. Sheifer S.A. Evidence and proving in criminal cases: problems of theory and legal regulation. М., Norma, 2008, 240 p. [in Russian]

12. Article 35.1 of Fundamental principles of Criminal Procedure of the USSR and Union Republics. *Vedomosti s'ezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR [Gazette of the Congress of People's Deputies of the USSR and the Supreme Soviet of the USSR]*, 1990, no.26, Article 495 [in Russian]

13. Sheifer S.A. Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial power. М., Norma, 2013, 192 p. [in Russian]

**ON THE CONCEPT AND SYSTEM OF INVESTIGATING ACTIONS
IN THE WORKS OF PROFESSOR S.A. SHEIFER**

The article analyzes the controversial issues about the concept and system of investigating actions. The opinion of professor S.A. Sheifer considering the Institute of investigating actions in a narrow sense, as a kind of procedural actions of informative character, the purpose of production of which is the establishment of factual circumstances of importance for the criminal case is shared. It is proved that procedural detention does not have cognitive properties, and forensics holds a special place in the system of investigating actions. It is suggested to use the polygraph, not only in forensic psychophysiological examination, but also in the production of a new investigating action - check of the readings on the polygraph.

Key words: investigating actions, knowledge, purpose, basis, special investigative data, procedural detention, judicial expertise, monitoring and recording of calls, polygraph.

* *Sementsov Vladimir Alexandrovich* (crimpro@yandex.ru), Department of Criminal process, Kuban State University, Krasnodar, 350000, Russian Federation.